

своего рода альтернативу ей и намечает новые пути развития эпистолярного жанра. Думается, наиболее значимы два из них. Во-первых, это перспектива личностно ориентированного эпистолярного общения, центрируемого не столько на авторе письма и его литературных задачах, сколько на личностях и потребностях обоих коммуникантов, и, следовательно, общения очень гибкого, вариативного, разнообразного, глубоко индивидуализированного в каждом случае. Во-вторых, дружеская переписка Киреевского открывает перспективу сочетания «буффонадности» и исповедальности. Через это она поднимает вопрос о формировании качественно новой — не сентименталистской — исповедальности. Продолжать разработку означенных перспектив предстояло последующим поколениям эпистолографов, а вместе с ними Киреевскому и его друзьям. Новый виток их переписки придется уже на зрелый — славянофильский — период его деятельности.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-134-140

© А. В. Курочкин

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПУШКИНСКОГО НАБРОСКА «ВЕЗУВИЙ ЗЕВ ОТКРЫЛ...»

Принято считать, что набросок «Везувий зев открыл...» создавался А. С. Пушкиным под непосредственным впечатлением от привезенной из Европы картины К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» в августе–сентябре 1834 года.¹ Заказчиком полотна выступил член Общества поощрения художников и известный меценат А. Н. Демидов, будущий князь Сан-Донатто. Во время работы над грандиозной картиной гибели античного города в 79 году н. э. художник пользовался письмами Плиния Младшего к Тациту. Трехтомное издание писем Плиния имелось и в библиотеке поэта.² После завершения работы Брюллова над полотном в 1833 году оно было представлено сначала в его мастерской в Риме, потом на Миланской художественной выставке. Итальянские зрители были в восторге. Между тем французская художественная критика приняла «Последний день Помпеи» достаточно прохладно во время его последующей демонстрации на Салоне в Париже, что не помешало картине получить золотую медаль. По окончании выставки Демидов распорядился доставить полотно в Россию. С середины августа 1834 года картина Брюллова находилась в Эрмитаже, а в конце сентября была выставлена на всеобщее обозрение в Академии художеств.

Сохранились два черновых автографа наброска пушкинского стихотворения,³ на одном из которых, под текстом, поэт беглым росчерком пера изобразил фигуры представленных на полотне двух сыновей, несущих немощного отца. Академическое Полное собрание сочинений Пушкина представляет набросок в следующем виде:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый [страхом],

¹ Основные сведения, касающиеся изучения стихотворения и его датировки, см.: Кардаш Е. В. «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя...» (1834) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д. С. 251–254.

² *Lettres de Plinie le Jeune / traduites par De Sagy; nouvelle édition, revue et corrigée par Jules Pierrot.* Paris, 1826–1829 (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 163. № 627).

³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 845. Л. 21, 20 об.

Под каменным дождем, [под воспаленным прахом],
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.⁴

Позднее в черновике статьи «Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836» Пушкин привел аналогичное описание: «...в голове его (Брюллова. — А. К.) уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенной Волканом».⁵

Между тем на замысел поэта оказали влияние близкие к тексту наброска литературные источники. Еще до прибытия картины Брюллова в Россию в «Библиотеке для чтения» была напечатана статья, содержащая переведенные с итальянского языка на русский описания полотна.⁶ На колоннитулах значится — «Новый Микель-Анджело» — так называли Брюллова восхищенные зрители. В описании П. Э. Висконти узнается представленная Пушкиным трагедия античного города и дается характеристика фигур, которые мы видим на зарисовке, выполненной поэтом: «Небо пылает от необычайного и продолжительного блеска громовых молний; Везувий изрыгает свое убийственное пламя; пепел сыплется сухим дождем; камни падают, земля дрожит, здания колеблются: повсюду разрушение, трепет, испуг. Еще один миг, и эта жестокая драма совершится, и уже не станет ни города, ни жителей: все будет покрыто, поглощено общою могилою!.. <...> Вот пример сыновней любви. Плечистый воин с помощью юного брата спешит спасти престарелого родителя от угрожающего им бедствия. Подъятый на рамена сыновние, старец возносит взор к небу и старается рукою закрыть себя от сыплющегося сверху пепла. Яркий свет молнии падает на лысую голову и во многих местах отражается на его дряхлом теле. Эта группа бесподобна, по противоположности характера лиц, составляющих ее. Воин являет вполне силу душевную и телесную: последняя обнаруживается в резком очерке всей его особы, дышащей бодростью и жизнью; первая в самом его движении: он лишь один не оглянулся при страшном и внезапном ударе грома! Наклоненная к земле голова его украшена отличною экспрессиею чувства: этот человек, который сам ничего не боится, трепещет за драгоценную свою ношу, смотрит, чтобы не оступиться, и, кажется, весь погружен в этой умильной мысли. Юный брат его, менее твердый, оглядывается страдальческим взором: он уже утомлен бременем, побежден страхом; испугавшись грома и молнии, он невольно остановился в ту минуту. В отце, удрученном летами, все члены опустились. Это старец, лишенный бодрости, трепещущий, бездушный. <...> От потрясения почвы две статуи, столкнутые с вершины одного надгробного памятника, летят на землю и падением своим <так!> угрожают разможить бегущих».⁷

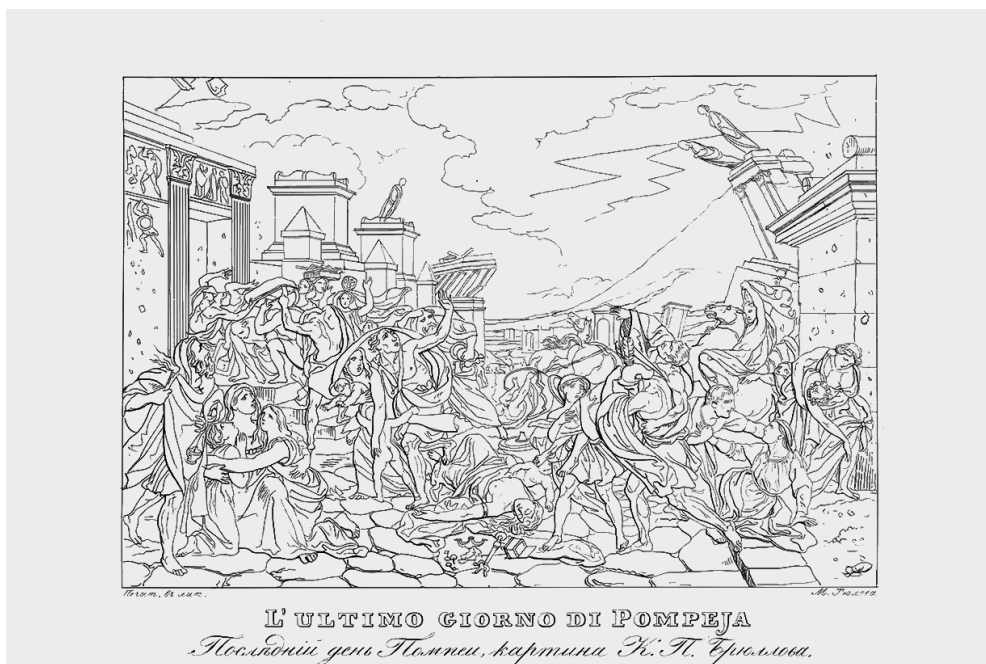
Далее в ряду других описаний приводится созвучная пушкинскому наброску следующая цитата из периодического издания «Biblioteca Italiana»: «Земля, потрясенная

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 332.

⁵ Там же. Т. 12. С. 372.

⁶ [Б. п.]. Последний день Помпеи, картина Карла Брюллова // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Кн. 1. Отд. III. Науки и художества. С. 119–138. Цензурное разрешение А. В. Никитенко от 31 декабря 1833 года. К заголовку статьи имеется следующее подстрочное примечание: «Описание это переведено с итальянского. Оно вышло в прошлом году в Риме, в виде брошюры, и сочинено известным антикварием, кавалером Висконти. Вот его заглавие: L'ULTIMO GIORNO DI POMPEJA, quadro dipinto dal Sig. Cavaliere CARLO BRULLOF P. E. per il Sig. Anatolio de' Demidoff, etc., descritto dal Cav. VISCONTI, Socio ordinario e Segretario perpetuo della Ponteficia Accademia di Archeologia, etc., etc., Roma, 1833, pp. 30. Рисунок этой картины, который мы получили очень поздно (24 декабря), будет приложен ко второй книжке журнала» (Там же. С. 119). Литографическое изображение с рисунка, представляющего собой вольную копию брюлловского полотна, было выполнено в мастерской М. Тюлева. В библиотеке Пушкина сохранился полный комплект томов «Библиотеки для чтения» за 1834 год (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 124–125. № 459). В первых книжках журнала увидели свет пушкинские «Гусар» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Кн. 1. Отд. I. Русская словесность. С. 13–17) и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (Там же. Т. 2. Кн. 2. Отд. I. Русская словесность. С. 1–17).

⁷ [Б. п.]. Последний день Помпеи, картина Карла Брюллова. С. 120, 122–124. К последнему предложению дано подстрочное примечание: «Две изображенные в картине статуи найдены у подножия той самой гробницы, с которой были низвержены».

Ил. 1. К. П. Брюллов. «Последний день Помпеи».
Копия. Литография. «Библиотека для чтения» (1834, т. 2, кн. 2)

в своих основаниях; опрокинутые чертоги и храмы; под мрачным небом Везувий, изрыгающий множеством жерл потоки огня, каменный град и лаву, которые, подобно бурным волнам, поглощают все окрест, — и ослепительный отблеск громового удара освещает всю эту ужасную сцену тьмы, замешательства и горя, эти толпы жителей, бегущих со страхом и с смертельно бледностью в лице, этих несчастных матерей с малютками у груди, жестоко раздирающими вам сердце своими слезами и стоном!..»⁸

Практически одновременно с появлением статьи в первой книге «Библиотеки для чтения» публикацию в русском переводе описания Висконти и других отзывов о картине в виде особой брошюры предприняло Общество поощрения художников.⁹ Предисловие написал секретарь Общества В. И. Григорович. Перевод итальянских текстов выполнил Валериан Лангер, воспитанник 2-го выпуска Царскосельского лицея, друг А. А. Дельвига, талантливый художник, иллюстратор «Северных цветов» и «Подснежника», автор статей по искусству в «Литературной газете», будущий цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета.

Первым в «Собрании описаний» представлен перевод обзора Висконти, имеющий незначительные отличия от публикации, помещенной в «Библиотеке для чтения». Надо полагать, что переводы с итальянского в смирдинском журнале также принадлежат Лангеру. Следом в брошюре дан обзор филолога и переводчика Франческо Амброзоли,¹⁰ в котором читаем: «Картина представляет в отдалении пылающий Везувий, из недр которого стремятся и сливаются по всем направлениям реки воспламененной лавы, распространяя море огненного блеска на окрестности. <...> Несчастные

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Собрание описаний картины Карла Брюллова <так!> «Последний день Помпеи». СПб., 1833. На обложке указан 1834 год. Цензурное разрешение В. Н. Семенова получено 10 декабря 1833 года.

¹⁰ В статье «Библиотеки для чтения» была помещена заключительная часть обзора Амброзоли.

граждане, гонимые пожаром и непрерывными землетрясениями, устремляются из жилищ своих, ища спасения; но ужас преследует их на пути и здания начинают уже разрушаться, угрожая подавить их».¹¹

Отзыв на картину французской прессы в «Собрании описаний» представлен обзором «Gazette de France» от 11 ноября 1833 года, переведенным автором, скрывшим свое имя за литерами «N. N.». В статье дается такая словесная зарисовка: «...два сына спасают дряхлого отца; один, едва вышедший из юношеского возраста, устремляет на старца взор, исполненный нежности, между тем как старший, более возмужалый, в воинской одежде, поддерживает отца своим плечом и забывает, кажется, исполняя сей священный долг, окружающий его ужас; старец, коего взор устремлен на облако, из которого сверкает молния, не будучи в силах переносить ослепительного блеска ее, заслоняет глаза рукою. Преимущественно хвалят голову его и руку, столь живо изображенные, что они совершенно отделяются от полотна. <...> Обширное пламя, извергаемое Везувием, облако пепла, покрывающее город и, так сказать, заживо его погребаящее, молния, рассекающая сию мрачную ночь, наступившую среди дня, разрушающиеся здания, статуи, отторженные от древних своих подножий и низвергающиеся с высоты чертогов — все это производит на зрителя действие, которого невозможно описать...».¹²

После выхода в свет брошюры в типографии Х. Гинце активная ее продажа, по видимому, задержалась до прибытия Брюлловского полотна в Петербург.¹³ Между тем экземпляр книжки уже в феврале оказался у участника Общества поощрения художников — графа Д. И. Хвостова. Как и другие члены, он получил издание при официальном сопроводительном письме Общества за подписью его председателя П. А. Кикина, датированном 9 февраля 1834 года.¹⁴ В ответном письме от 13 февраля, черновик которого сохранился в архиве Хвостова, граф благодарил Кикина за присылку брошюры, добавляя: «Я уже с большим удовольствием читал сие описание на русском языке в 1-м номере журнала Смирдина. Книжка, которую Вы мне изволили препроводить, неразлучно будет со мною до последнего дня жизни моей; воздаваемая справедливость и хвала русаку Брюлову <так!> иностранцами за его превосходные дарования приятны моему сердцу...».¹⁵ Следуя традициям XVIII столетия, Хвостов обычно откликался на все значимые события торжественными стихотворениями. Не стало исключением и получившее европейскую известность полотно отечественного мастера. «Послание Русскому живописцу Брюлову, на картину его, по заказу Анатолия Николаевича Демидова, изображающую последний день Помпеи, 1834 года февраля 23 дня» создавалось графом еще до прибытия шедевра в Россию, поэтому для его описания Хвостов воспользовался публикацией «Библиотеки для чтения», изображением картины в журнале и брошюрой, изданной Обществом поощрения художников.

Послание было помещено Хвостовым в седьмом томе собрания собственных стихотворений.¹⁶ Для включения в состав тома произведения, сочиненного уже после получения книгой цензурного разрешения, потребовалось особое обращение в цензуру. В архиве графа сохранилась писарская копия послания с проставленной поверх

¹¹ Собрание описаний картины Карла Брюлова «Последний день Помпеи». С. 30.

¹² Там же. С. 54–55, 57–58.

¹³ «Северная пчела» извещала читателей: «Картина г. Брюлова <так!> обращает на себя внимание всей здешней столицы. Общество поощрения художеств, которому Россия преимущественно обязана образованием г. Брюлова (он был его пенсионером), издало ныне все лучшие описания сей картины, вышедшие в Италии и во Франции. Книжка сия продается в Выставке художественных произведений, в доме Голландской церкви, у Полицейского моста, по 2 р., а заключающееся в ней письмо г. Висконти особо по 1 р.» (Северная пчела. 1834. 16 авг. № 183).

¹⁴ Письмо помещено в рукописной книге, озаглавленной: «Ученая переписка графа Хвостова 1834 года» (ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 25–26).

¹⁵ Там же. Л. 199.

¹⁶ Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова: В 7 т. СПб., 1834. Т. 7. Цензурное разрешение П. И. Гаевского книга получила 6 декабря 1833 года.

заглавия датой — 6 марта 1834 года, содержащая поправки и вставки и имеющая небольшие разночтения с опубликованным текстом.¹⁷

Седьмой том был напечатан в типографии Российской Академии, субботние собрания которой граф регулярно посещал на протяжении многих лет. Массовое распространение собственных сочинений сразу после их появления вошло у Хвостова в привычку. Не изменил он ей и на этот раз. Желая отослать книгу Н. М. Языкову, однако не зная его точного местопребывания, граф решает адресовать корреспонденцию молодому собрату по перу через симбирского почтмейстера. 21 мая граф отправляет Языкову письмо, к которому прикладывает и седьмой том, замечая, что он вышел «на сих днях».¹⁸ По-видимому, книга увидела свет в десятых числах мая 1834 года. По просьбе графа министр народного просвещения С. С. Уваров преподносит седьмой том императору Николаю Павловичу. Хвостов знакомит с книгой наследника престола, великого князя Александра Николаевича через его наставника В. А. Жуковского, находит способ представить том императрице Александре Федоровне через ее секретаря И. П. Шамбо и передать книгу великому князю Михаилу Павловичу и его супруге — великой княгине Елене Павловне через гофмейстера их двора Д. В. Васильчикова. Седьмой том передается в дар: обер-камергеру графу Ю. А. Головкину, министру финансов Е. Ф. Канкрину и, через посредничество П. Н. Беклемишева, светлейшему князю Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому. Экземпляры книги отсылаются в Первопрестольную литераторам: И. И. Дмитриеву, М. Н. Загоскину, М. Н. Макарову, А. А. Писареву и знакомому графа П. И. Лялину. Седьмой том получают и петербургские сочинители: П. П. Свиньин, сразу два экземпляра — П. А. Вяземский, которого граф просит передать один В. Ф. Одоевскому. Общество поощрения художников Хвостов также не оставляет без внимания и отправляет том В. И. Григоровичу. С. С. Уваров уведомляет Хвостова о получении 50 экземпляров тома в дар университетам и гимназиям. Через обер-прокурора Синода С. Д. Нечаева граф жертвует 12 экземпляров для рассылки по духовным училищам. По два экземпляра получают псковский гражданский губернатор А. Н. Пещуров и дерптский профессор К.-Ф. фон дер Борг: одну книгу для себя, другую — для губернской и университетской библиотек соответственно. Одариваемых лиц, учебных заведений и иных учреждений наверняка было больше. Мы перечислили лишь тех, кто откликнулся на присылку седьмого тома сохранившимися ответными письмами: представители императорской фамилии выразили свою благосклонность автору через посредников, остальные благодарили графа лично.¹⁹ Возможно, тогда же седьмой том граф передал и Пушкину, тем более что в книге были опубликованы адресованные ему послания: «Александру Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России» и «Соловей в Таврическом саду, 1832 года».²⁰ Позднее в письме к И. И. Дмитриеву от 14 февраля 1835 года, упоминая о Хвостове, Пушкин заметит: «Современник ваш <...> слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, всё еще нераспроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорыстием».²¹ Надо полагать, что Хвостов мог как прислать Пушкину предназначенный для него седьмой том, так и преподнести его при личной встрече. Однако экземпляр книги, если он и был в пушкинской библиотеке, до нас не дошел. Косвенным подтверждением передачи книги в дар является имевшееся в книжном собрании поэта, но также не сохранившееся и, по-видимому, полученное от Хвостова отдельное издание его стихотворения, сочиненного по случаю совершеннолетия

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 51–52. Под текстом стихотворения стоит подпись: «Печатать позволяется. СПб. 7 марта 1834 г. Цензор П. Гаевский».

¹⁸ См.: Курочкин А. В. Н. М. Языков и граф Д. И. Хвостов: диалог романтика и классика // Литературный факт. 2021. № 4 (22). С. 218.

¹⁹ См.: ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Аннотация писем представлена в реестре: Там же. Л. 3–4 об.

²⁰ Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 99–102, 171–172.

²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 11.

и присяги великого князя Александра Николаевича.²² Брошюра со стихотворением вышла незадолго до появления седьмого тома. Между тем хвостовское послание к Брюллову не осталось без внимания Пушкина. Приведем его.

РУССКОМУ ЖИВОПИСЦУ БРЮЛОВУ,
на картину его, по заказу Анатолия
Николаевича Демидова,
изображающую последний день Помпеи,
1834 года февраля 23 дня.

С берегов Невы или переселен
На южный берег я дальних стран Европы,
Где в старину ковали медь Циклопы
И Плиния пожар похитил в плен.
На Севере ль мой слух рыданье внемлет?
Ужель меня ключ пламенный объемлет?
И чувствую и пред глазами зрю
Помпеи я последнюю зарю.
Уже зажгла летящих искр свирепость
Прекрасную полдневную окрестность.
Везувия несытое жерло
Отверзлося и быстро повлекло
И серный дым густой и камень с треском;
Земля кругом полна багровым блеском,
Колеблется и рыхнет под стопой;
Горячих тел многообразный строй
Теснит сердца и ослепляет очи,
Там жители средь дня мрак видят ночи;
Там вопль и вой младенцев, крик и вдов,
Там бледность лиц, смешенье голосов,
Полмертвецы, зря гибели мгновенья,
Спеша ползут от милых мест рожденья.
Там громовой удару вслед удар,
Там молния отлив небес на шар,
Героя лик как жертва бурь ревущих
Обрушился и давит сонм бегущих.
Там ветра рев, Бореи крышки рвут,
Там капища и целый ряд селений
На бездны глубь расплавлены падут;
Там вихри мирт, цитроны и сирени
Корнями вверх по воздуху несут.
Огонь давно исхитился из сопки,
Везде напасть, повсюду ужас, страх,
Спасенья нет ни в граде, ни в полях!
И бедные и богачи бездомки,
Где город был сияющ красотой,
На месте том и лава и обломки
Сковали мост смолистой тяготой,
Заклокотав в пылающей порфире,
Волкан взревел... и нет Помпеи в мире.

Но от чего тревожит мысль, мятет
Событие давно минувших лет?

²² 22-го апреля в С. Петербурге 1834 года. Стихотворение графа Хвостова. СПб., 1834 (см.: Модзалевский Л. Библиотека Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Т. 16–18. С. 1010).

Брюлова кисть — волшебное искусство,
 Растрогало мое внезапно чувство,
 Заставило соземцев слезы лить,
 Чужое зло постигнуть, разделить.
 Се дара луч, венец и превосходство
 Незримого являть и дух и свойство:
 Брюлов, сквозь цепь перелета веков,
 Животворит давнишних мертвецов.²³

Не вызывает сомнения, что Пушкин ознакомился как с переведенными отзывами о картине, так и с ее описанием в послании Хвостова.²⁴ В таком случае идея отразить в стихах гибель античного города могла возникнуть у Пушкина ранее прибытия «Последнего дня Помпеи» в Россию, и работа над стихотворением началась до экспонирования полотна в столице. Расположение черновиков наброска в пушкинской тетради не исключает такой возможности.²⁵ Вполне вероятно, что собственный рисунок поэта в рукописи выполнен с изображения, помещенного в «Библиотеке для чтения».

Литературные описания картины и то, как им следует Хвостов в своем послании, позволяют воссоздать ход пушкинской мысли. Если «Оду его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» Пушкин сознательно стилизует под Хвостова, адресуя ее не столько ему, сколько молодым одописцам, то в стихотворении о гибели Помпеи избегает напыщенности, емко и выразительно демонстрируя трагедию античного города. Начало наброска («Везувий зев открыл — дым хлынул клубом...») отсылает к хвостовскому витиеватому описанию: «Везувия несытое жерло / Отверзлося и быстро повлекло / И серный дым густой...». Слова «земля волнуется» или «земля содрогнулась», «по трепетной земле» — в других вариантах²⁶ — перекликаются с хвостовскими строками: «Земля кругом полна багровым блеском / Колеблется и рыхнет под стопой». Трагедия происходит в момент разрушения античного мира и зарождения христианства. Народу, который не соблюдает христианские заповеди — возвеличивает языческих кумиров и украшает гробницы их изваяниями, — путь в новый мир закрыт. Извержение Везувия приводит к падению статуй. Хвостов показывает драматические последствия этого: «Героя лик как жертва бурь ревущих / Обрушился и давит сонм бегущих». Пушкин опускает результат крушения кумиров. Его не устраивает хвостовское замедленное представление событий — «Полмертвецы, зря гибели мгновенья, / Спеша ползут от милых мест рожденья» — и он ускоряет развитие действия: «Толпами, стар и млад, бежит из града вон». Под пером Пушкина картина бедствия вырисовывается предельно лаконично. В сравнении с высокопарным слогом описания трагедии Хвостовым она выглядит глубже и убедительней.

²³ Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 209–211.

²⁴ Пушкинский интерес к стихам известного графомана не раз привлекал внимание исследователей. См.: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 105–115; *Довгий О. Л.* 1) Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина // *Граф Дмитрий Иванович Хвостов.* Сочинения. М., 1999. С. 44–64; 2) Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке» «Арзамаса» // *Поэтика русской литературы: Сб. статей к 80-летию проф. Ю. В. Манна.* М., 2009. С. 158–183; *Виницкий И. Ю.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017. С. 268–318; *Балакин А. Ю.* Близко к тексту: Разыскания и предположения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2022. С. 70–105.

²⁵ См.: *Бонди С. М.* История заполнения «Альбома 1833–1835 годов» // *Рукописи А. С. Пушкина: Альбом 1833–1835. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Комментарий.* М., 1939. С. 20; Рабочая тетрадь ПД 845. Третий альбом // *Пушкин А. С. Рабочие тетради.* = Alexander Pushkin. The working notebooks: В 8 т. СПб.; Лондон, 1996. Т. 5.

²⁶ Варианты наброска см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 945–947.